

Социальный опыт человечества есть совокупность трех базовых ценностей: это знания, умения и установки. В культурологическом и социально-философском аспекте эти три блока ценностей образуют три типа культуры: информационную, мотивационную и прагматическую. Именно они и должны быть транслируемы обществом, что определяет и три социальных механизма трансляции: образование, воспитание и обучение. Таким образом, в системе культуры личности раскрываются три базовые подсистемы: информационно-гносеологическая, которую для краткости назовем *подсистемой знания*, аксиологическая, ценностно-ориентационная или *мотивационная* и, наконец, *прагматическая* или операциональная, практическая подсистема.

Важнейшим элементом информационной культуры является компетентность – особый тип организации предметно-специфических знаний, позволяющий принимать эффективное решение в соответствующей области деятельности. Компетентность – составляющая не только профессиональной культуры, она также может быть общей, допрофессиональной [7].

Аксиологическая, мотивационная культура включает в себя всю совокупность социальных установок, т.е. позиций, отношений, оценок. Они базируются на социальных потребностях общества и личности, поэтому здесь уместно понятие «*установки*»; это побудительная сила человека, выражающая его отношение к реальности, его позиции и диспозиции, его ценностные ориентации. В отношении к культуре общества этот блок охватывает аксиологическое содержание культуры, а в отношении к личности – мотивационное содержание внутреннего мира личности.

Главное в том, что установочное, аксиологическое отношение человека к миру не является по природе своей знаниевым, хотя и основано на разных типах знания. Знаниевый момент присутствует в установках (убеждениях, целях, желаниях, ценностных ориентациях и т.п.) как базис, основа, но природа мотивационной культуры иная. Само по себе знание любого вида и типа нейтрально в ценностном отношении. Важно отношение к нему и общества, и личности, а отношение это приобретает с аксиологической точки зрения ценностное значение: позитивное или негативное, желательное или нежелательное, полезное или вредное, эффективное или неэффективное, принимаемое или отвергаемое и т.д. Иначе говоря, само знание является объектом оценки, а эта оценка неизбежно раздваивается на положительную и отрицательную. Не только общество исторически вынуждено определять свое ценностное отношение к реалиям, но и каждая личность. Знание (ложное или истинное, гипотетическое или достоверное, аксиоматическое или догматическое и пр.) является основой выработки отношения, установки к любому явлению [8]. Манипулирование сознанием человека осуществляется на уровне этих двух «этажей»: *что есть и как отнестись*.

Прагматическая культура общества и личности преодолевает абстрактность знаний и установок «знаю» и «хочу» и может рассматриваться как совокупность *умений*, т.е. совокупность способностей действовать (навыки, методики, методы, способы, приемы, технологии). Напрасно абсолютизируют высказывание Ф. Бэкона – «Знание – сила». Знание само по себе ничего не дела-

ет, оно только информационно вооружает человека, готовит его к действию, к деятельности. Правильнее говорить: «Знание, превратившееся в деятельность – сила». Вот эту трансформацию знания в умения, информационной культуры в прагматическую и совершает процесс обучения, раскрывая поле возможных использований человеческого потенциала.

Уместно сказать, что *знания, умения и установки* как накопленный социальный опыт существуют в объективированной форме, в предметном воплощении: это знания, язык, обряды, обычаи, ритуалы, тексты, произведения искусства, бытовая утварь и пр. К примеру, по юридически утвержденному наследию можно получить дом, коттедж, библиотеку, собрание картин, автомобиль, деньги в банке и пр. Но это все ВЕЩИ, предметы, материальные ценности, воспринимать и понимать которые может лишь человек, обладающий соответствующими социальными *кодами*. А эти коды формируются в процессе социализации как системы знаний, умений и установок личности. Такова история человечества.

Следовательно, культура общества даже в ее объективированных, определенных формах по своему содержанию закодирована в алгоритмах знаний, установок и умений. Только деятельный человек, владеющий соответствующими кодами, может «распредметить», субъективировать это наследство.

Таким образом, в конечном счете, в самой системе культуры личности мы найдем те же три слагаемых культуры, которые исторически представлены и в обществе.

Библиографический список

1. Зеленов, Л.А. Антропология. Собр. соч., т.4 / Л.А. Зеленов. – Н. Новгород: НГАСУ, 2007.
2. Абульханова-Славская, К.А. Развитие личности в процессе жизнедеятельности // Психология формирования и развития личности. – М., 1981.
3. Кон, И.С. Социология личности / И.С. Кон. – М.: Политиздат, 1988.
4. Хабермас, Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. 1989. № 2.
5. Каган, М.С. Философия культуры / М.С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1996.
6. Раевская, Н.Е. Психология и педагогика / Н.Е. Раевская. – СПб.: Альфа, 2001.
7. Волкова, В.О. Духовно-практическая компетенция как принцип субъектности человека / В.О. Волкова. – Н. Новгород: ННГУ, 2005.
8. Всемирная энциклопедия. Философия. – М. – Минск: Харвест, 2001. Статья «Эпистемология».

Т.И. Бикметова

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТЕОРИИ АРГУМЕНТАЦИИ

Место логики в истории западноевропейского образования определяется её эталонным характером для любой формы интеллектуальной деятельности. В России же существование и преподавание логики всегда было непросто. В отличие от Западной Европы, история логики в России разворачивается главным образом в XIX и XX веках, хотя интерес к ней начал пробуждаться ещё во

второй половине XVIII века и связан с деятельностью просветителей. Распространение логики в России было обусловлено творчеством немецкого учёного-просветителя Х. Вольфа. М.В. Ломоносов, в своих трактатах «Краткое руководство к риторике» (1744 г.) и «Краткое руководство к красноречию» (1748 г.) развивал логические идеи Вольфа, но вместе с тем разработал логическую терминологию на русском языке и внёс собственный вклад в классификацию умозаключений.

В конце XIX в первой половине XX века логика в России пережила бурное развитие, связанное с именами П.С. Порецкого, С.О. Шатуновского, Е.Л. Буницкого, Н.А. Васильева и др. Основные теоретические результаты были получены в области символической логики. Вместе с тем особо хотелось бы отметить позицию С.И. Поварнина, который выдвинул задачу систематического изучения с позиций логики правил, ошибок и заблуждений в споре и создания на этой основе практической логики. К сожалению, эта идея в полной мере не реализовалась в отечественных логических исследованиях до настоящего времени. Особенно четко такой подход к логике и ее разделам проявляется в теории аргументации.

Наряду с логико-методологическим аспектом теории аргументации актуальной задачей является разработка и систематизация иных форм и приемов аргументации. Помимо логических доказательств и опровержений в теорию аргументации должны включаться также прагматические средства, определяющие стратегию обсуждения проблемы, психологические методы убеждения собеседника в правильности отстаиваемых мнений и концепций, риторические приемы, демонстрирующие ораторское мастерство в публичном выступлении.

Попытки создания современной, интегрированной теории аргументации намечались во второй половине XX в. в связи с работами Х. Перельмана, Г. Джонстона, Р. Гроотендорста. К этому времени стало очевидно, что теория аргументации не сводится к логической теории доказательства, также она не сводится к теории познания или к теории спора (эристике).

К настоящему времени сформировалась многоплановая сфера исследований, которую принято называть теорией аргументации. Существует множество различных подходов, описывающих разные аспекты аргументационной деятельности, в частности: выделяются и исследуются личностные аспекты аргументации, или ее логическая структура, или используемые лингвистические средства. Но все эти подходы, к сожалению, не образуют единой теории, которая бы целостно раскрывала феномен аргументации.

На наш взгляд, наиболее плодотворным для понимания феномена аргументации является ее сопряжение с теорией коммуникации.

Аргументация является неотъемлемой и специфической стороной человеческого бытия, определенной человеческой деятельностью, протекающей в конкретном социальном контексте.

Аргументация – это, прежде всего, феномен коммуникации, аспектами которого являются намерения участвующих в ней сторон, их взаимоотношения, возможности понимания друг друга, ценностные ориентиры. Неслучайно мно-

гие современные концепции аргументации имеют явно выраженный гуманистический аспект, подчеркивающий представления о человеке как высшей ценности, автономии личности.

Объектом, на который направлена аргументационная деятельность, является человек, его взгляды и поведение. Существует устойчивая традиция рассматривать в качестве непосредственной цели и результата аргументации убеждение. Например, Г.И. Рузавин пишет: «Аргументация составляет необходимую часть процесса убеждения людей в ходе их общения и коммуникативной деятельности в целом» [1].

А.А. Старченко рассматривает убеждение как многоаспектный феномен. Он считает, что убеждение содержит в себе: информационное содержание принимаемых концепций, логическую оценку субъектом полученной информации, социально-ценностную установку личности, деятельно-волевое отношение личности к вытекающим из принятых концепций практическим следствиям [2].

Убеждение есть мысль, в истинности которой человек не сомневается, она относительно устойчива, имеет эмоционально-нравственную оценку, ею руководствуются в определенных сферах деятельности. Поэтому теория аргументации не сводима к логической теории доказательства, которая опирается на понятие истины и которой категория убеждения совершенно чужда и даже в некоторых случаях вообще неприемлема.

Не во всех случаях аргументация ставит своей непосредственной целью сформировать убеждения человека. Исходя из реальности, Ю.В. Ивлев описывает аргументацию как выработку убеждения или мнения [3].

Если связывать аргументацию только с убеждением, то из проблемного поля исключается целый пласт ее реальных типов. В своих конкретных реализациях аргументация не всегда соотносена с гуманистическими целями. Она может использоваться с целью обмана, укоренения заблуждения, побуждения человека совершить аморальный поступок, например, эристическая полемика. Но такая полемика – реальность, она существует в различных сферах общественной жизни, и ее необходимо легализовать как объект науки.

Наиболее приемлемым для обозначения непосредственной цели аргументации, на наш взгляд, является понятие «принятие». На использовании этого термина настаивает А.П. Алексеев. Он пишет: «В качестве частных случаев принятия мы можем рассматривать убеждения и мнение, отношение к некоторому утверждению как к вероятностному, достоверному, целесообразному. Термин «принятие» уместен и тогда, когда аргументируемое положение представляет собой суждение о необходимости или целесообразности совершение реципиентом какого-либо действия» [4].

Такой подход дает возможность не только эксплицировать понятие «аргументация», но и позволяет охватить все возможные, в том числе и прагматический, аспекты аргументации.

Непосредственный результат аргументационной деятельности можно определить как принятие аргументируемого положения или отказ от него. Именно такое понимание целей аргументации позволяет говорить об ее прагматическом

аспекте. Этот аспект, прежде всего, связан с пониманием, кому адресована аргументационная деятельность.

Как нам представляется, специфика понимания современной теории аргументации и ее прагматического аспекта наиболее четко проявляется в отношении экспертов к аргументам *ad hominem*. В современной теории аргументации существует множество различных определений и классификаций, которое демонстрирует отсутствие единого методологического основания к анализу аргумента *ad hominem*. Однако можно выделить некоторые основные походы в понимании сущности и границ применения такого рода доводов.

Первый подход трактует аргумент *ad hominem* как всегда ошибочный, определяемый как некорректный (нерелевантный) либо ошибочный по своей природе [5].

Как нам представляется, точка зрения на достоинства и недостатки аргументации в целом и аргумента *ad hominem*, в частности, как входящие главным образом или полностью в сферу только логики, неверна. Хотя основания для такого представления вполне объяснимы, поскольку исторически учение об ошибках в аргументации разрабатывалось по преимуществу в рамках логики. И по настоящее время в учебниках логики аргументы *ad hominem*, как правило, игнорируются или рассматриваются как логическая ошибка. Например, Ю.В. Ивлев считает, что «разновидностью ошибки «подмена тезиса» является также ошибка, называемая подменной аргументируемого или критикуемого тезиса ссылками на личные качества человека. Эту ошибку совершают в тех случаях, когда, вместо того чтобы обосновывать или критиковать тезис, характеризуют человека, выдвинувшего этот тезис, или человека, о котором идет речь в тезисе» [6]. Безусловно, как всякий феномен коммуникации процедура аргументации связана с соответствующими логическими формами. Но вместе с тем в рамках аргументационной конструкции форма обоснования приобретает иные содержательные характеристики, не свойственные ей в пределах чисто логического анализа. Рассматривая таким образом аргументацию, приходится отвлекаться от множества условий и обстоятельств, в которых эта деятельность происходит, что приводит к чрезмерному и недостаточно мотивированному ограничению исследовательского поля.

Особую позицию занимает Г. Джонстоун, который полагал, что вся философская аргументация по своей природе является аргументацией *ad hominem*, поскольку этот тип аргументации довольно часто основывается на выдержках из трудов или высказываний философа, с которыми дискутируют. Поэтому философия – это вид аргумента *ad hominem*. Однако аргумент такого рода, как правило, определяется как логическая ошибка, и поэтому следует, что философская аргументация по своей природе ошибочна. Но такая позиция может привести к другому парадоксальному выводу: любая аргументация обращена к различного рода реципиентам, и тогда всю аргументационную деятельность можно трактовать как логически некорректную [7].

Из рассуждений Джонстоуна следует сделать другой важный вывод – о необходимости теоретического анализа аргументов *ad hominem*, чтобы затем выявить специфику этого феномена с прагматической точки зрения.

Второй подход декларирует, что такие доводы в некоторых случаях являются обоснованными.

Понятие «аргумент *ad hominem*» в определениях различных авторов основывается на идее личностной атаки. Этот тип аргумента обращается к личности оппонента, в классическом случае – сосредотачивается на его характере, или на чем-то, связанном с его личностными обстоятельствами, при этом он содержит негативную оценку личности. Аргумент *ad hominem* – это субъективный вид доводов, чаще всего достаточно эмоционально окрашенный, поэтому в каждом конкретном случае довольно сложно найти объективные критерии их обоснованности.

Он является достаточно мощным средством воздействия на аудиторию, поскольку используемые обвинения достаточно трудно опровергать, хотя доказательства может быть недостаточно или вовсе не существовать. Например, критика характера оппонента может представить его как нечестного, не заслуживающего доверия человека. А потеря доверия у аудитории может лишить его возможности адекватно аргументировать свою позицию. Применение аргумента *ad hominem* приводит к тому, что бремя доказывания ложится на оппонента, отсутствие адекватного ответа воспринимается как признание истинности обвинений. Кажется естественным, что единственный способ защиты против такой личностной атаки – заявление о нанесенном оскорблении и критика того, кто использовал такого рода довод. Но это значило бы ответить на одну атаку *ad hominem* такой же. Конечно, в каких-то случаях это может быть эффективной мерой, но, как показывает практика, чаще всего такая дискуссия заканчивается дальнейшими проблемами для оппонентов.

В традиционной логике осуждаются ошибки и уловки, связанные с личностью, характером оратора, поскольку его личные мотивы абсолютно нерелевантны при определении логической корректности его аргумента. Однако существуют сферы человеческой деятельности, в которых, на наш взгляд, возможно использование аргументов *ad hominem*. Возможно, что личность, особенности характера не имеют значения в аргументации, проводимой в области точных наук, например, математики. Но если аргументация находится в сфере политики, права, этики, искусства, то нельзя всегда утверждать о нерелевантности мотивов оратора. Как указывает Д. Уолтон: «Если биограф исследует искренность воззрений Руссо на брак, выраженных в его философских работах, факты, касающиеся личных мотивов или поведения Руссо (например, его внебрачных связей), имеют непосредственное отношение к делу и могут иметь большое значение для совершения выводов» [8].

В некоторых случаях одним из важных факторов для принятия или неприятия аргумента является доверие к аргументатору, в частности, оно очень важно в политической аргументации. Деятельность политика вызывает общественный интерес, поэтому его убеждения, воззрения, идеи, способность их реализовать являются законным предметом публичного обсуждения. Избиратель стремится выбрать кандидата, который близок ему по взглядам, поэтому ему важно составить представление о личности и характере политика. Его нравст-

венные качества могут быть основанием согласиться или не согласиться с его политикой.

Таким образом, использование аргументов *ad hominem* в политическом дискурсе можно считать вполне обоснованным, что позволяет говорить о необходимости дальнейшего исследования прагматического аспекта аргументации в этой сфере.

По мнению А.И. Мигунова: «Современная исследовательская традиция, получившая название «теория аргументации» обретает теоретическую определенность не в отрицании формальной логики, как это было в период ее становления, а в соединении современных методов логического анализа с прагматикой в исследовании дискурса. Иными словами, на мой взгляд, формирующаяся сейчас теория аргументации должна строиться как логико-прагматическое исследование аргументативной коммуникации.»[9] Такой подход к теории аргументации более четко определяет проблемное поле и дает возможности для дальнейшего более полного и адекватного познания прагматического аспекта феномена аргументации.

Библиографический список

1. Рузавин, Г.И. Логика и основы аргументации / Г.И. Рузавин. – М., 2003. – С. 263.
2. Старченко, А.А. Категория «убеждение» в процессе формирования мировоззрения // Формирование мировоззренческих представлений студенчества. – Тарту, 1974.
3. Ивлев, Ю.В. Курс лекций по логике / Ю.В. Ивлев. – М., 1988. – С. 124.
4. Алексеев, А.П. Аргументация. Познание. Общение / А.П. Алексеев. – М., 1991. – С. 31.
5. Soccio D., Barry V. Practical Logic. San Diego, 1992.
6. Ивлев Ю.В. Логика. М., 2008. С. 207
7. Уолтон, Д. Аргументы *ad hominem* / Д. Уолтон. – М., 2002. С. 142.
8. Там же.
9. Мигунов, А.И. Теория аргументации как логико-прагматическое исследование аргументативной коммуникации // Коммуникация и образование. – СПб, 2004. С. 215

Ю.К. Волков

ОППОЗИЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОГУМАНИТАРИСТИКИ

Как свидетельствует знакомство с работами, посвященными вопросам истории и теории социально-гуманитарных исследований, в современной социогуманитаристике обнаруживается тенденция к взаимодействию и частичному синтезу изначально разнонаправленных методологических подходов [1]. Вместе с тем признание методологического плюрализма в качестве реальности неклассической социогуманитаристики не исключает возможности сохранения относительно небольшой группы методологических программ, интегрирующих познавательные установки эпистемологических конкурентов. К их числу относятся различные аспекты системно-структурного и деятельностно-поведенческого подходов, а также приемы и методы объясняющей и понимающей парадигмы. Коротко рассмотрим их эпистемологические возможности исходя из особенностей интересующей нас проблемы.

1.1. Системно-структурный подход

Системно-структурный или просто системный подход, как общенаучная, междисциплинарная исследовательская программа, представляет собой концептуальный аппарат, предназначенный для изучения сложноорганизованных интеграционных объектов. Привлекательность структурализма для большинства претендующих на объективизм социологических проектов заключается в возможности рассматривать индивидуализированные формы поведения социальных субъектов в качестве своеобразного эпифеномена. При этом не имеет существенного значения: представлены сами социальные структуры институциональными формами организационных связей или явлениями культурно-гуманитарной и когнитивной сферы.

Еще более продвинутыми с точки зрения сциентистских идеалов объясняющей социологии выглядят функциональные аспекты структурного системизма. В то же время функциональный аспект системного подхода обнаружил целый ряд методологических трудностей и недостатков. Наряду с собственными квази-организмистскими слабостями, функциональный подход продемонстрировал историческую ограниченность самой доктрины структурного системизма, вступившей в противоречие с ценностями эпохи постмодерна [2]. Последнее обстоятельство не могло не способствовать переносу акцентов в исследовании сложных социальных совокупностей с понятий «структура» и «функция» на характеристики их инициирующего начала – агента социального действия.

1.2. Деятельностно-поведенческий подход

Деятельностный, или деятельностно-поведенческий подход представляет собой одно из метафизических заимствований неклассического типа научной рациональности [3]. В свою очередь, социологическая специфика деятельности обычно связывается с веберовским пониманием социального действия, введенным в научный оборот для обозначения поступков индивидов, сознательно ориентированных на ответное поведение социального субъекта [4]. Лишь эта интеркогнитивная сфера, представляющая собой образ разделенной субъективности, непосредственно входит в круг познавательных интересов социологической теории и изучается при помощи методов понимающей и объясняющей парадигмы. Все другие конфигурации субъектно-объектных отношений в их «чистом», не выходящем за пределы исходной субстанциональности виде, представляют собой область преимущественно философской и психологической рефлексии.

Таким образом, субъектно-центристские интерпретации деятельностного подхода, усиливая эмерджентную составляющую поведения социальных акторов, сужают предметные рамки исследования социального поведения до уровня проблематики самореферентных мотивов и установок. Констатация возникших затруднений свидетельствует не только об ограниченности субъектного подхода, автономизирующего социальную онтологию агентов действия, но также подтверждает наличие естественной корреляции между практически-предметными и ментальными уровнями самоорганизующих систем.